

НАТАЛЬЯ ВЕРШИНИНА

0000-0003-2988-2935

Псковский государственный университет
Факультет русской филологии и иностранных языков
Кафедра литературы
180000 Псков
пл. Ленина, 2
nati_85@inbox.ru

КОРИФЕИ И ИХ СПУТНИКИ: К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПИСАТЕЛЯ «ВТОРОГО РЯДА»

THE CORYPHEI AND THEIR SATELLITES: ON THE PROBLEM OF ARTISTIC ANTHROPOLOGY OF THE “SECOND-CLASS” WRITER

В статье рассматривается малоисследованный вопрос о художественной антропологии литератора «второго ряда» как явления типологического, обладающего семиотическими признаками, не зависящими от конкретного исторического времени. На примерах Ф. В. Булгарина, М. И. Воскресенского, А. Н. Яхонтова и других показано, что их сходство обусловлено собственным «второстепенным писателям» общим характером литературно-творческой рефлексии. В основании ее лежат определение места таких писателей «на Парнасе» в соотношении с классиками; интерпретация ими признанных словесных образчиков; подход к формированию собственного писательского образа с учетом преломления в нем избранных литературных ориентиров. Развивается мысль о неоднозначной природе подражательства и его следствиях, которые могут состоять в неправомерной трактовке культуры «второстепенного» как бездарного эпигонства. Делается вывод об уязвимом положении писателей «второго ряда» вне зависимости от того, претендуют ли они на высокий статус в литературной иерархии или признают за собой роль скромных «проводников» культурного наследия и неизменных верных «спутников» писателей-«корифеев».

Ключевые слова: художественная антропология, «второстепенный писатель», подражательство, писатель-классик, литературная иерархия.

The paper discusses the underresearched issue of the artistic anthropology of a “second-class” writer as a typological phenomenon, i.e. one which possesses semiotic characteristics independent of particular historical circumstances. Taking as examples Faddei Bulgarin, Mikhail Voskresensky, Alexander Yakhontov and others, the author shows that what they have in common is the kind of artistic reflection, typical of “second-class” writers. This reflection encompasses the following: defining their own place “on the Parnassus” as compared with the classics, interpreting the well-known verbal clichés

and the way they construct their image as authors, taking into account certain literary benchmarks. The author of the paper reflects on the ambiguous nature of imitation and on its consequences, which might include an unjustified treatment of the “secondary” cultural phenomena as mere talentless epigonism. The author concludes by defining the position of the “second-class” writers as vulnerable, regardless if they aspire to a high status in the literary hierarchy or just assume the modest role of stewards of the cultural heritage and faithful satellites of the writers perceived as the coryphaei.

Translated from the Russian by Marta Kaźmierczak

Keywords: artistic anthropology, “second-class” writer, imitation, classic writer, literary hierarchy.

Недостаточно «теоретически осмысленный», по заключению О. А. Бердниковой, «антропологический аспект художественного познания» мира предстает в особенности продуктивным относительно объекта наших исследований – до сих пор не изучавшегося под данным углом зрения феномена «второстепенного писателя». Основанием актуализации проблемы в антропологическом плане стал на рубеже XX–XXI веков не только «кризис гуманизма» и возросшее внимание к «вопросу о человеке и его статусе в мире», но и явный интерес к «формам присутствия автора-человека как субъекта эстетической деятельности в [...] порождаемых им художественных текстах»¹. Именно этот аспект художественной антропологии привлекает наше внимание в вопросе о «второстепенном писателе», по традиции воспринимаемом на фоне литературных корифеев.

Если антропологический ракурс в изучении писателей-классиков в последние годы постоянно углубляется (специальные и общие работы посвящены художественной антропологии А. С. Пушкина², Н. В. Гоголя³, позднего Л. Н. Толстого⁴, Ф. М. Достоевского⁵, А. П. Чехова⁶ и др.), то писатели «второго ряда» редко попадают в поле зрения исследователей.

¹ О. А. Бердникова, *Антропологические художественные модели в русской поэзии начала XX века в контексте христианской духовной традиции*. Автореф. дис. на соиск. научн. степ. докт. филол. наук, Воронеж 2009, [электронный ресурс] <http://migha.ru/antropologicheskie-hudojestvennie-modeli-v-russkoj-poezii.html> [02.09.2018].

² Б. Т. Удодов, *Пушкин: художественная антропология*, Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета 1999; М. В. Строганов, *Человек в художественном мире Пушкина: (Проблемы поэтики)*. Автореф. дис. на соиск. научн. степ. докт. филол. наук, Москва 1991.

³ Е. П. Барановская, *«Ното scribens»: антропологические аспекты письма в творчестве Н. В. Гоголя: от «Шинели» к «Размышлениям о Божественной Литургии»*. Автореф. дис. на соиск. научн. степ. канд. филол. наук, Омск 2003.

⁴ М. Ю. Белянин, *Художественная антропология позднего Л. Н. Толстого*. Автореф. дис. на соиск. научн. степ. канд. филол. наук, Липецк 2007.

⁵ В. Захаров, *Художественная антропология Достоевского*, [в:] *Проблемы исторической поэтики. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков*, Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет 2013, вып. 11, с. 150–164.

⁶ Т. Б. Зайцева, *Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор)*. Автореф. дис. на соиск. научн. степ. докт. филолог. наук, Екатеринбург 2015;

Между тем, функция «спутника» по отношению к образчику или образчикам предполагает устремленность к идеалу и продуцируемую им энергию самовыражения в слове. В известном смысле функция «спутника» вечная – она присуща любому начинающему писателю как отправной жизненный импульс. Так, персонаж романа А. И. Солженицына *В круге первом* маститый писатель эпохи соцреализма Николай Галахов замечает: «Какой же из русских писателей не примерял к себе втайне пушкинского фрака?.. толстовской рубахи?..»⁷. В отношении же писателя «второго ряда» процесс «примеривания» себя или «к себе» высшей литературной планки становится смыслом жизни и заканчивается вместе с нею: современниками он осознается как естественное для культуры бытование «неклассической» словесности.

Антропологический подход, примененный к словесности такого уровня, указывает на ее жизненную продуктивность, не выявляемую с позиций историко-литературного и историко-типологического знания. Историк литературы возводит оценку писателей «второго ряда» к иерархичности, к понятиям сиюминутного и неизменно высшего, непреходящего, перемежающимся в процессе литературной эволюции, однако остающимся в пределах традиционной аксиологии. Ее вполне отражает работа И. В. Прозоровой *«Великие» и «второстепенные» писатели в литературном процессе*. По мнению исследователя, литература «второго ряда»

способна вызывать обостренный интерес современной читающей публики, но поскольку литература эта вторична, она постепенно уступает место вершинным созданиям искусства слова. И именно эти вершинные тексты становятся классическими. Беллетристика же выпадает из привычного читательского обихода⁸.

Иначе выглядят роль и место «второстепенного» с позиций художественной антропологии. На первый план выходит не фактор значимости явления сегодня и в проекции на изменяющиеся общественно-культурные потребности, а критерий его как ближней, так и дальней жизнеспособности, возможности проходить «сквозь время» в силу собрания внутри себя разнообразной

О. А. Бердникова, *Антропологические художественные модели...*, [02.09.2018]; Б. Т. Удодов, *Пушкин: художественная антропология...*; М. В. Строганов, *Человек в художественном мире Пушкина...*; Е. П. Барановская, *«Ното scribens»...*, [02.09.2018]; М. Ю. Белянин, *Художественная антропология позднего Л. Н. Толстого...*; В. Захаров, *Художественная антропология Достоевского...*, с. 150–164; Т. Б. Зайцева, *Художественная антропология А. П. Чехова...*

⁷ А. И. Солженицын, *В круге первом*, [электронный ресурс] <http://protivpytok.org/dissidenty-sssr/solzhenicyn-a-i/solzhenicyn-a-i-v-kruge-pervom-tom-2> [03.09.2018].

⁸ И. В. Прозорова, *«Великие» и «второстепенные» писатели в литературном процессе*, [электронный ресурс] http://literary.ru/literary.ru/readme.php?archive=1207225877&id=1207223568&start_from=&subaction=showfull&ucat= [03.09.2018].

человеческой энергии. Примечательны в этой связи суждения Вяч. Иванова в статье *Достоевский и роман-трагедия* (1911) о «сошедших со сцены» «богатырях духа» (Толстой, Достоевский) и рядовых писателях, их «спутниках», близость которых каждодневно ощущалась в текущей современности. Иванов выдвигает на первый план не философско-эстетическую, историческую или этическую шкалу оценивания, а исключительно меру причастности литератора к реалиям жизни: «[...] какое десятилетие нашей быстро текущей жизни, какое устремление нашей беспокойно ищущей, нашей мятущейся мысли они выразили и воплотили»⁹.

По отношению к данному критерию уравниваются классики и беллетристы, корифеи и их многочисленные «спутники». В антропологическом плане однообразие и омертвелость, по Иванову, больше грозит классикам, нежели беллетристам. По поводу классиков, выпадающих из «ближайшей исторической обусловленности», автор статьи пишет следующее:

Но часто это значит только, что некий живой порыв завершился и откристаллизовался в непреложную ценность, а между нами и этим новым, зажегшимся на краю неба, маяком легло еще большее отдаление, чем промеж нами и тем, кто накануне шел впереди и предводил нас до последнего поворота дороги. Те, что исполнили работу вчерашнего дня истории, в некотором смысле ближе переживаемой жизни, чем незыблемые светочи, намечающие путь к верховным целям¹⁰.

Сходный подход, может быть, вопреки воле критика, сказался в суждениях Н. Н. Страхова о Некрасове. Мотивируя невозможность включить Некрасова в пантеон классиков, Страхов дает определение «первостепенного», отличного от Некрасова поэта – «то есть такого, который всегда с почетом поминается при перечислении сокровищ нашей литературы и без произведений которого не обходится ни одна хрестоматия»¹¹. Эта формулировка, относящаяся к началу 70-х годов, составляет невыгодный для себя контраст с возникающим здесь же многоплановым, не хрестоматийным обликом Некрасова. Через несколько лет, уже после смерти поэта, фактор личностной ценности Некрасова наряду с «близостью его тем к действительной жизни», вне зависимости от качества художественности, был выдвинут Страховым как главный и определяющий¹².

«Память» о писателе в антропологическом смысле может находиться в противоречии с памятью эстетической. Достоевский столкнулся с этой

⁹ Вяч. Иванов, *Достоевский и роман-трагедия*, [в:] он же, *Собрание сочинений в четырех томах*, Брюссель: Foyer Oriental Chrétien 1987, т. 4, с. 401–403.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Заря» 1870, № 9, с. 130.

¹² Н. Н. Страхов, *Литературная критика*, Москва: Современник 1984, с. 131.

проблемой на похоронах Некрасова: «Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое бесспорно останется за Некрасовым»¹³. «Памятными» оказываются не отдельные художественные произведения поэта, а целостное, глубоко осознанное Достоевским «своеобразие» его личности.

Личностная «оригинальность» и живой контакт с действительностью, заключающей в себе настоящее, прошлое и будущее, мыслятся основными показателями в отношении любого литературного явления. Сам Некрасов в статье *Русские второстепенные поэты* (1849) заменил понятие литературной иерархии категориями собственно «таланта» и таланта «самобытного», подразумевая не ступени художественного совершенства, а различные фазы самореализации автора в словесном творчестве. Человеческая содержательность поэзии, в глазах Некрасова, уже делает автора «талантливым» – эту мысль передает сестра Некрасова, А. А. Буткевич: «Талант, как бриллиант, говорил он, не может быть второстепенным: разница в величине – и оселок дает свой блеск»¹⁴. В этом смысле графоманы и вульгарные подражатели подлежат другой шкале оценок как лишенные главного, *человеческого* дара и поэтому составляющие «литературный „низ”»¹⁵, по определению В. Е. Хализева.

Антропологический подход к «второстепенным» поэтам предполагает и анализ особенностей их мировосприятия, их рефлексии действительности и особый характер творчества. С точки зрения антропологии, автор «второго ряда» отличается тем, что изображает предсказуемое, «утверждает утвержденное», по ироническому выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина¹⁶. «Собирательный образ» такого писателя характеризуется «открытостью» относительно всех сторон жизни, принадлежностью к разным художественным школам, течениям и общественно-литературным веяниям. Доминирующие пристрастия и репутация не влияют на сущность мироотношения «второстепенного» автора, сформулированную Ф. В. Булгариным следующим образом: «[...] и всю жизнь прожил в *стеклянном доме*, без занавесей... Понимаете ли вы, что это значит?»¹⁷.

¹³ Ф. М. Достоевский, *Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле*, [в:] он же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Ленинград: Наука 1984, т. XXVI, с. 112–113.

¹⁴ *Литературное наследство*, т. 53–54, *Н. А. Некрасов*, Москва: Издательство АН СССР 1949, с. 173.

¹⁵ В. Е. Хализев, *Теория литературы* (изд. 3, испр. и доп.), Москва: «Высшая школа» 2002, с. 166–167.

¹⁶ М. Е. Салтыков-Щедрин, *Гражданский брак. Комедия в 5 действиях Н. И. Чернявского*, [электронный ресурс] <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/saltykov-schedrin/grazhdanskiy-brak-chernyavskogo.htm> [03.09.2018].

¹⁷ Ф. В. Булгарин, *Воспоминания*, Москва: Захаров 2001, с. 5.

Распространенное заблуждение, которое коснулось, в частности, псковского поэта второй половины XIX века Александра Яхонтова, состоит в присоединении «второстепенного писателя» к *одной* литературной группе, некоему общественному направлению, четко определяемой тенденции (Яхонтова до сих пор неправомерно относят исключительно к Некрасовской школе, несмотря на то, что, наряду с Некрасовым, в отзывах прижизненной критики присутствуют параллели с А. Н. Майковым, А. К. Толстым, А. С. Хомяковым, В. Г. Бенедиктовым)¹⁸).

Затрудненность в высказывании суждений о таких поэтах, как Яхонтов, связанная с наличием ряда объективных и субъективных факторов, снимается в критике заменой анализа их литературной «многоликости» стереотипными и односторонними характеристиками или ни к чему не обязывающими перифрастическими выражениями. Тем самым облик «второстепенного» писателя становится неуловимым даже для современников, что, очевидно, готовит ему забвение и «суммарную» оценочную аттестацию в будущем.

Желание повысить такого литератора в ранге указанием на то, что, являясь «второстепенным», он, тем не менее, был «чутким, наблюдательным, тонко чувствующим, отзывчивым» (выдержка из статьи о Яхонтове в *Русском биографическом словаре*¹⁹), или акцентировка в работе новейшего исследователя о романах Д. Л. Мордовцева (популярного во второй половине XIX века исторического беллетриста) мастерского освоения автором разных культурных кодов, «стилистических пластов, текстовых уровней», «нескольких видов композиции»²⁰ и так далее – объективно подтверждает антропологическую характеристику писателей «второго ряда». Наличие эмпатической чувствительности является необходимым условием их бытия в словесности. Повышенная наблюдательность, отзывчивость и восприимчивость к «чужому слову» при умении найти ему соответствующее своим намерениям эстетическое применение лежат в основе способности светить «отраженным светом» и – что подтверждают приведенные суждения – могут реализовываться на достаточно высоком уровне.

«Вторичность» как неотъемлемая черта «таланта» «второстепенного» писателя, как выражение особого типа «оригинальности» предполагает и пересмотр вопроса о *подражании и заимствовании* – вплоть до нивелировки этих понятий в культурном сознании. Указывая на многочисленные следы

¹⁸ К. К. Арсеньев, *Новые сборники русской поэзии*, «Вестник Европы» 1884, т. 3, май, с. 261.

¹⁹ *Русский биографический словарь*, Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1913, т. 25, с. 205. Подп. «Н. С.».

²⁰ А. В. Устинов, *Жанровые и типологические особенности романа Д. Л. Мордовцева «Великий раскол»*, «Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова» 2013, № 2, с. 98.

образчиков в стихотворениях А. Н. Яхонтова, критик К. Арсеньев спешит оговориться: «Это не заимствование, не подражание – сходство результатов зависит здесь, по всей вероятности, от сходства настроений [...]»²¹. К моменту выхода в свет поэтического сборника А. Яхонтова (1884) подражательство воспринимается как данность, как рефлексия литературных исканий предшествующей эпохи – смысловой и стилевой эклектизм утверждаются в качестве формы допустимого в литературе выражения индивидуальности автора.

Как показывают исследования, «второстепенным» писателям жизненно необходимо состояние духовной близости с текстом-источником (что не исключает полемики с ним, в том числе и посредством литературной пародии). Интересы коммерческого или амбициозного порядка, иногда абсолютизируемые исследователями «второстепенной» словесности, уличающими авторов в намерении спекулировать на причастности к славе «корифеев»²², – всякий раз нуждаются в отдельной аргументации и не могут быть возведены на уровень обобщений. Представляется, что творческая лаборатория «второстепенных писателей» (при условии, что они не относятся к заведомым графоманам и плагиаторам) имеет собственную, особую организацию, чего нельзя не учитывать при анализе и оценке их творческих опытов.

Отправным является фактор самоидентификации «второстепенного» писателя – ощущение им своего *места* в литературной иерархии как сравнительно скромного относительно «высших» литературных рядов, но воспринятого в качестве нормы, узаконенной на уровне творческого сознания.

Характерно автопризнание Яхонтова в ответ на просьбу Н. В. Гербеля предоставить для публикации его биографию в качестве приложения к снижавшим признание переводам из Гете:

Желание Ваше – получить материал для моей биографии – было для меня совершенною неожиданностию, потому что, как литературный дилетант, я не считаю себя вправе занимать какое-нибудь место в среде русских поэтов...²³.

Еще более симптоматичны публичные заявления таких поэтов. Свою «вторичность» стихотворец пушкинской поры декларировал, манифестируя ее в самых заметных, программных текстах. Так, в открывающем роман М. И. Воскресенского *Евгений Вельский Разговоре Автора с Книгопродавцем* читаем:

²¹ К. К. Арсеньев, *Новые сборники русской поэзии...*, с. 261.

²² Ю. Н. Чумаков, «Евгений Онегин» и «Евгений Вельский», [в:] он же, *Стихотворная поэтика Пушкина*, Санкт-Петербург: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге 1999, с. 84.

²³ *Письмо А. Н. Яхонтова Н. В. Гербелю от 12 ноября 1878, г. Псков*, РНБ, ОР. Фонд № 179, Архив Гербеля Н. В., Ед. хр. 107.

Название то же ей: Евгений,
 И я с успехом льщу себя,
 Что мне в удел хоть не дан Гений
 И хоть совсем не Пушкин я –
 Но может быть... авось удастся
 И мне понравиться кому?²⁴

В главе второй:

Готов я даже в том сознаться
 Что у меня таланта нет
 И что я вовсе не поэт²⁵.

Яхонтов за два года до смерти, словно бы, между прочим, делает важное признание:

Ведь на Парнасских высотах
 Помещик я мелкопоместный²⁶.

С большей уверенностью он выступал в качестве переводчика²⁷, когда «вторичность» являлась обоснованием литературного сотворчества. Можно предположить, что роль медиатора, посредника, в первую очередь, вдохновляла Яхонтова – в предисловиях к своим переводам он дважды использовал один и текст:

Окончен труд – и жаль расстаться с ним!
 Он дух питал чудесной, крепкой пищей [...]²⁸.

Нежелание потерять освоенное, сохранить «овеществленное» ощущение подлинника выражается в виде обильных стилизаций, заимствований,

²⁴ [М. И. Воскресенский], *Евгений Вельской. Роман в стихах*, Москва: в типографии С. Селивановского 1828, с. IX (*Разговор Автора с Книгопродавцем*).

²⁵ Там же, с. 42 (Глава вторая).

²⁶ А. Н. Яхонтов, *50-ти летний юбилей усадьбы друга*, «Русская старина» 1891, т. LXXI, № 9 (сентябрь), с. 622.

²⁷ См.: Н. Л. Вершинина, *Яхонтов – читатель и переводчик*, [в:] *Культура чтения и литературное краеведение: элитарное и массовое: коллективная монография*, Псков: Псковский государственный университет 2013, с. 7–26.

²⁸ «Светоч», Петербург 1860, кн. VI, с. 6. В рукописной редакции сохранилось *Посвящение перевода Ифигении в Тавриде*, где главенствует та же мысль: «Дай мне радость, в отдалении, / В память лучших, ясных дней, / Овладеть, хоть на мгновенье / Тихой думою твоей...». См.: *Рукопись, Стихотворения А. Яхонтова. № 3*, [в:] Псковский государственный музей-заповедник. Отдел редких и рукописных книг, Ф. 881 (Яхонтов А. Н.), ОФ 16333 (14).

реминисценций, прямых отсылок к источнику. Мотивации обращения к корифеям как источникам творчества с полной ясностью изложены «второстепенными поэтами». Воскресенский писал:

Зачем же пишешь ты? Мне скажет
 Зоил угрюмый; он не прав.
 Ему ответ мой перст укажет
 На этой книжки эпиграф.
 Имея средства чрезвычайны
 Разгадывать чужие тайны
 Волшебник-Пушкин написал,
 То, что доселе я скрывал
 В моей груди оледенелой...
 «Живу, пишу не для похвал»
 Он из души моей украл!
 Конечно свету что за дело
 Знать образ чувств моих; но я
 Люблю быть искренним, друзья²⁹.

В качестве стимулирующего средства автор указывает на эпиграф, взятый из второй главы *Онегина* – им открывалась вторая глава *Евгения Вельского*.

Очень близко и по форме и, по существу, программное стихотворение Яхонтова, которым открывался сборник 1884 года:

Мне робко шепчет тайный голос:
 Зачем, по скользкому пути,
 Свой тощий плод, невсхожий колос
 На свет, на торжище нести?
 [...]
 Пойми ж: кому какое дело
 До песен, грез души твоей?

Есть мощная потребность духа:
 Потребность – высказаться; глухо
 Порой звучит ее струна,
 Но и под гнетом невниманья,
 Насмешки едкой, порицанья
 Не может замолчать она...³⁰.

Обоим авторам присуще качество прилежного ученичества, порождающего демонстрации своей верности подлиннику – как духу, так и форме. Именно чрезмерное усердие в подражательстве дало основание современникам обвинять Воскресенского в эпигонстве, а Яхонтова – в поверхностном

²⁹ [М. И. Воскресенский], *Евгений Вельский, роман в стихах...*, с. 42–43 (Глава вторая).

³⁰ А. Н. Яхонтов, *Стихотворения Александра Яхонтова*, Санкт-Петербург: Типография М. А. Хана 1884, с. 3.

дилетантском эклектизме. Погоня за точностью «перевода» «образцового» слова на свой «язык» побуждает авторов к буквальному цитированию текста-источника, к заключению цитируемых слов в кавычки, а подчас – и к указанию источника цитаты в подстрочной ссылке.

«Чужое слово» открыто используется как подспорье в выражении собственных лирических переживаний. В этом смысле можно вести речь о *безличном лиризме* «второстепенных поэтов», концентрирующих в себе переживания эпохи и объединяющих ими других не на началах поэтической «самобытности», а на основе коллективного приобщения к высшим духовным ценностям.

В заключение отметим: антропологический анализ «второстепенного писателя» как явления литературной жизни позволяет увидеть главную причину его будто бы неоправданной активности, не оцененной окружающими литературной плодовитости. Словно от лица всех поэтов не «первого» ряда их поведение объяснил Е. Баратынский:

[...] Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенья...³¹.

Цель «второстепенного писателя» состоит в поисках отзвука своей душе и своим сочинениям (цену которым он сознает) в сфере высокой литературы, будь это переводы из Гете или подражание *Евгению Онегину* Пушкина. За подражательством стоит опосредованная апелляция к классикам, к их побуждающим к творчеству, возвышающим человека заветам. Формы прикосновения к классике, своеобразное «переписывание» ее являются способом приобщения к недоступной «обыкновенному таланту» жизни духа и одновременно средством, позволяющим надеяться на отклик «живой души», ищущей в слове чуткое сердце, снисходительной к художественным несовершенствам рядового сочинителя.

Сфера художественной антропологии «второстепенного писателя» далеко не изучена, но предварительно можно сказать: представитель литературы «второго ряда», охотно подчиняясь внешним формам, сохраняет внутреннюю самостоятельность, дорожит свободой выбора пристрастий, ценит свою открытость и вездесущность в мире, сам выбирает себе «кумиров» и добровольно становится их верным и благодарным «спутником».

³¹ Е. А. Баратынский, *Мой дар убог...*, [электронный ресурс] <http://stihi-rus.ru/1/Bratyinskiy/53.htm> [04.09.2018].

References

- Arsenyev, Konstantin K. "Novye sborniki russkoi poezii". *Vestnik Evropy*, No. 3 (1884): 261.
- Baranovskaya, Elena P. "Homo scribens": *antropologicheskie aspekty pisma v tvorchestve N. V. Gogolya: ot "Shineli" k "Razmyshleniyam o Bozhestvennoi Liturgii"*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie nauchnoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Omsk, 2003.
- Baratynskii, Evgenii A. "Moi dar ubog...". <http://stih-rus.ru/1/Bratynskiy/53.htm>.
- Belyanin, Mikhail Yu. *Khudozhestvennaya antropologiya pozdnego L. N. Tolstogo*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie nauchnoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Lipetsk, 2007.
- Berdnikova, Olga A. *Antropologicheskie khudozhestvennye modeli v russkoi poezii nachala XX veka v kontekste khristianskoi dukhovnoi traditsii*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie nauchnoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. Voronezh, 2009. <http://migha.ru/antropologicheskieshudozhestvennie-modeli-v-russkoj-poezii.html>.
- Bulgarin, Thaddeus V. *Vospominaniya*. Moskva: Zakharov, 2001.
- Chumakov, Yurii N. "Evgenii Onegin" i "Evgenii Velskii". In: *Stikhotvornaya poetika Pushkina*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Pushkinskii teatralnyi tsentr, 1999: 84.
- Dostoevskii, Fedor M. *Smert Nekrasova. O tom, chto skazano bylo na ego mogile*. In: *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh*. Leningrad: Nauka, 1984. Vol. XXVI: 112–113.
- Ginzburg, Lidia Ya. *Pushkin i Bedediktov*. In: *Vremennik Pushkinskoi komissii*. Moskva: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1935. No 2: 148–182.
- Ivanov, Vyacheslav I. *Dostoevskii i roman-tragediya*. In: *Sobranie sochinenii v 4 tomakh*. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1987: 401–403.
- Khalizev, Valentin Ye. *Teoriya literatury* (izd. 3). Moskva: Vysshaya shkola, 2002.
- Nekrasov, Nikolai. *Russkie vtorostepennye poety*. In: *Polnoe sobranie sochinenii v 15 tomakh*. Leningrad: Nauka, 1990. Vol. 11. Book 2: 32–61.
- Prozorova, Inna V. "Velikie" i "vtorostepennye" pisateli v literaturnom protsesse. http://literary.ru/literary.ru/readme.php?archive=1207225877&id=1207223568&start_from=&subaction=showfull&ucat=.
- Russkii biograficheskii slovar*. Sankt-Peterburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1913, vol. 25.
- Saltykov-Shchedrin, Mikhail E. *Grazhdanskii brak*. Komediya v 5 deistviyakh N. I Chernyavskogo. <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/saltykov-schedrin/grazhdanskij-brakchernyavskogo.htm>.
- Sinyakova, Lyudmila N. *Khudozhestvennaya antropologiya russkoi literatury 1840–1870-kh godov: obraz cheloveka v russkoi literature 1840–1870-kh gg*. Saarbrücken, 2011.
- Solzhenitsyn, Aleksandr I. *V krughe pervom*. <http://protivpytok.org/dissidenty-sssr/solzhenicyn-a-i-solzhenicyn-a-i-v-krughe-pervom-tom-2>.
- Strakhov, Nikolai N. *Literaturnaya kritika*. Moskva: Sovremennik 1984.
- Stroganov, Mikhail V. *Chelovek v khudozhestvennom mire Pushkina: (Problemy poetiki)*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie nauchnoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 1991.
- Udodov, Boris T. *Pushkin: khudozhestvennaya antropologiya*. Voronezh: Izdatelstvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999.
- Ustinov, Aleksei V. "Zhanrovye i tipologicheskie osobennosti romana D. L. Mordovtseva *Velikii raskol*". *Vestnik KGU imeni N. A. Nekrasova*, No. 2 (2013): 98.
- Vershinina, Natalya L. *Yakhontov – chitatel i perevodchik*. In: *Kultura chteniya i literaturnoe kraevedenie: elitarnoe i massovoe: kollektivnaya monografiya*. Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi universitet, 2013: 7–26.
- [Voskresenskii, Mikhail I.] *Evgeny Velskoi. Roman v stikhakh*. Moskva: v tipografii S. Selivanovskogo, 1828 i 1829.
- Yakhontov, Aleksandr N. *Stikhotvoreniya Aleksandra Yakhontova*. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. A. Khana, 1884.

- Yakhontov, Aleksandr N. “50-ti letnii yubilei usadby druga”. *Russkaya starina*, Vol. LXXI, No. 9 (1891): 622.
- Zaitseva, Tatyana B. *Khudozhestvennaya antropologiya A. P. Chekhova: ekzistentsialnyi aspekt (Chekhov i Kierkegaard)*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie nauchnoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. Ekaterinburg, 2015.
- Zakharov, Vladimir N. *Khudozhestvennaya antropologiya Dostoievskogo*. In: *Problemy istoricheskoi poetiki. Evangelskii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov*. Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet, 2013. No 11: 150–164.